

Юлия Климова

Счастье на тонких ножках

Анастасия Ланье

Юлия Климова

Счастье на тонких ножках

«Юлия Климова»

2011

Климова Ю. В.

Счастье на тонких ножках / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2011 — (Анастасия Ланье)

ISBN 978-5-699-51185-3

Первая любовь обрушилась на Настю Ниагарским водопадом – она потеряла покой и сон! Павел Акимов – вот кто должен стать ее мужем. Обязательно! Точно! Раз и навсегда! Разве можно прожить без этого удивительно красивого парня хотя бы один день? Разве можно отказаться от шанса стать счастливой? Конечно, нет! Но судьба плетет свою интригу, и мечтам не так-то просто стать реальностью. Настя бедна, а Павел – богат. Она – сирота, а он – сын состоятельных людей. И к тому же есть тайна, мимо которой нельзя пройти...

ISBN 978-5-699-51185-3

© Климова Ю. В., 2011

© Юлия Климова, 2011

Содержание

Глава 1,	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юлия Климова

Счастье на тонких ножках

*Люди богаты тем, что сами вокруг себя создают. Двери
ограждают их от того, что им чуждо, и от тех, с кем им не по пути.
Малгожата Домагалик*

Глава 1, в которой я рассказываю о своем детстве и первой любви (конечно же, самой настоящей)

Раннее детство я не помню. Пожалуй, в памяти сохранились лишь запахи, но кому они принадлежали, что это были за люди?.. Загадка, которую никогда не удавалось разгадать. Иногда мне казалось, что лет до пяти я с отцом и матерью кочевала из страны в страну, не задерживаясь на одном месте больше пары недель. Мне даже мерещились огромные слоны, высоченные жирафы и страшные полосатые тигры. Воображение торопливо рисовало то песчаный берег, то непроходимые джунгли, то снежные пики гор. Иногда, наоборот, позабытая жизнь представлялась однообразной и скучной до дремоты, и тогда в ушах начинал звенеть колокольчик, и раздавалось настойчивое тиканье часов. Но запахи... Запахи всплывали постоянно. Одни и те же. Они щекотали нос и отчего-то повышали настроение. Я закрывала глаза и улыбалась.

Резкий, терпкий, почти удушливый... Мужской или женский? Я не знаю.

Теплый, цветочный, солнечный – наверное, мамин. Мне нравится так думать.

Табачный, аптечный, хвойный – вперемешку. И опять вопрос – чей он?

Слишком крепкий, но бархатный, сладкий и отталкивающий одновременно...

О, если бы можно было их схватить, приоткрыть, как какую-нибудь коробочку, и заглянуть внутрь! Но увы...

Зато я помню почти все, что со мной происходило после шести лет. Однажды я проснулась, и... взгляд сначала коснулся потолка, посеребрившего от старости и миллиона извилистых трещин, затем махровой паутины с дохлой мухой, потом пыльной люстры, напоминающей самую обыкновенную трехлитровую банку, и выцветших желтых штор с двумя большими дырками посередине.

– Проснулась? Вставай. Нечего валяться, – раздался незнакомый ворчливый голос.

Я повернулась на бок и увидела невысокую полную женщину в цветастом халате. Рыжий пучок на голове, маленькие глазки, крючковатый нос и тяжелый подбородок делали ее похожей на ведьму или кикимору, и я, конечно, мгновенно струхнула. Натянула одеяло до ушей, задержала дыхание и зажмурилась. Умей я превращаться в букашку и прятаться в складках постельного белья, то непременно бы так и поступила, но, к сожалению, у меня не было волшебных способностей, поэтому я обреченно приготовилась к худшему.

Долго ждать не пришлось, уже через минуту я вновь услышала едкий голос женщины...

Хозяйка дома не имела ничего общего с отрицательными персонажами сказок (если не считать ее характера), и наша встреча объяснялась просто: в жизни есть плохое и хорошее, и уж кому как повезет...

Тамара Яковлевна Зубенко приходилась мне дальней родственницей и, в силу трагических обстоятельств, была вынуждена взвалить на свои плечи груз неимоверной ответственности, а именно: воспитание «несчастной сироты, которая наверняка окажется неблагодарной и

лет через семь-восемь либо устроит поджог, либо разболеется и назло помрет». То есть речь шла о моем воспитании.

Тамара Яковлевна коротко сообщила, что мои родители погибли в автомобильной катастрофе, и отныне и навсегда я – ее «послушная племянница», а она – моя «замечательная тетя Тома». И еще, заметила она, «следует сказать спасибо, потому что в приютах сейчас недобор».

Честно говоря, в тот момент мне хотелось заполучить какую-нибудь другую тетю, но выбирать не приходилось, и, так как в голове было пусто, я лишь тихо вздохнула в ответ и без особых эмоций приняла условия. Расплывчатые образы мамы и папы промелькнули передо мной, но я не стала прижимать их к груди – это я собиралась сделать позже, когда останусь одна.

Странно, я знала некоторые имена, умела читать, считать, могла пересказать огромное количество сказок, хорошо ориентировалась в других вопросах, но тем не менее оставалась маленькой девочкой без прошлого. Довольно долго меня эта проблема особо не беспокоила – часть души крепко спала, не желая дополнительной правды. Намного позже я все же стала проявлять интерес, однако любопытство на корню было безжалостно задушено тетей Томой.

«Там, где ты жила раньше, уже трава выросла по пояс! – гаркала она, заводясь с пол-оборота. – Или умные люди небоскреб построили! Хватит маяться дурью!»

Обычно разговор обрывался, толком не начавшись, и со временем я махнула рукой на ту пустоту, которая не мешала мне бегать босиком по деревне, перелезать через заборы, подбирать с земли яблоки, печь в углях картошку, обжигать ноги крапивой и совершать кучу немислимых поступков, не одобряемых тетей Томой. За плохое поведение она наказывала меня однообразно, но с удовольствием: или таскала за ухо, или запирала на чердаке, или стегала хворостиной, или лишала обеда и ужина. И всегда при этом кричала так громко, что соседские куры начинали нервно кудахтать и неслись, выстреливая разом по три яйца.

Учеба в школе мне давалась легко, даже по музыке я умудрялась получать четверки и пятерки, хотя ни слуха, ни голоса не имела. Пожалуй, мне не хватало терпения и аккуратности, да и богатое воображение частенько мешало сосредоточиться, но на эти минусы учителя закрывали глаза, жалея «несчастную сироту».

Лет до десяти я действительно вызывала жалость, потому что была бледной и тощей, носила одежду на пару размеров меньше, чем нужно, постоянно шмыгала носом и болела. В пылу гнева тетя Тома отстригла мне волосы, и я напоминала мальчишку-пастуха, заблудившегося и прожившего в лесу не меньше двух месяцев. Учителя подкармливали меня то пирожком, то котлетой, а библиотекарьша Валентина Сергеевна, до невозможности добрая женщина, приглашала к себе на борщ и несколько раз приносила тете Томе тюк с девчачьей одеждой, за что получала благодарность – «Спасибо, голубушка, мы бы без вас замерзли этой зимой!» – и клятвенное заверение: «Приодену свою горемыку уже к завтрашнему дню, не волнуйтесь». Я радовалась и млела.

Выпив лишнего, тетя Тома любила хорошенько «вжарить государству». Она ругалась, била посуду, грозила в окно кулаком, а затем, устав, хватала зеленую замусоленную тетрадь и принималась складывать цифры столбиком. Прикинув на бумаге очередную сумму долга, она минимум полчаса сокрушалась, что растит меня задарма, не получает необходимых пособий, «и вообще пора всех гнать из правительства поганой метлой!».

Но наша бедность была какой-то однобокой и непонятной. Тетя Тома считала каждую копейку и при этом покупала себе такую одежду, которой не было ни у кого в округе, – явно безумно дорогую. Раза два в сезон она быстро собиралась и уезжала, а возвращалась с пухлыми сумками, пакетами и коробками. Обновки же она никогда не носила, а складывала в чемоданы на чердаке и берегла как зеницу ока. Очень боялась, что украдут или начнут завидовать и на наш дом обязательно свалится напасти. А когда тетя Тома перебирала свое имущество, а случалось это часто, она пела и хохотала, отчего стекла в окнах дрожали и рюмки в буфете позвякивали. Я в такие вечера всегда старалась смотреть подальше...

Лет в одиннадцать я окунулась с головой в мир книг. Читала, читала и читала, пока не затекала спина или сон не валил с ног – придуманные миры, плохие и хорошие герои тянули меня к себе, не отпускали. Устроившись в библиотечной комнате на подоконнике, переворачивая страницы, я негодовала, удивлялась, злилась, переживала и мечтала о точно таких же приключениях. Мне хотелось тайно, под покровом ночи, покинуть страну, плести интриги, острыми фразами побеждать врагов, отправляться в кругосветное путешествие, танцевать на балу, совершать подвиги... Валентина Сергеевна подсовывала мне очередной томик, улыбалась и говорила: «Эта история тебе точно понравится, не сомневайся». А я и не сомневалась, проглатывала все подряд и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Даже если бы библиотека находилась не в пристройке к школе, а за тридевять земель, я бы все равно каждый день преодолевала огромное расстояние, предвкушая встречу со старенькими потрепанными книгами.

– Настя, ты сегодня ела? – спрашивала Валентина Сергеевна.

– Ага, – кивала я, хотя обед был пропущен и голод уже давал о себе знать.

Но особенно я обожала романы, в которых присутствовала любовь: чтобы *он* и *она* познакомились, втрескались друг в друга по уши, потом сокрушили преграды и поженились. Сердце от волнения колотилось так, что в груди становилось горячо, я нервно кусала губы и за пару часов сгрызала карандаш до непригодного состояния. Если концовка истории была плохой, я возвращалась домой, падала на свою скрипучую кровать и рыдала, проклиная злодейку-судьбу, глупость героев и заодно жестокого, бессовестного автора. Любовь всегда должна быть прекрасной! Что это за чувство, которое не выдерживает испытаний? Ерунда. Я бы выдержала все! И сколько угодно! Я бы не отдала, не отпустила. Ни за что!

А еще я не могла оторваться от журналов. Листая их, рассматривая фотографии, я представляла себя и умопомрачительной красавицей, сидящей на скамейке в парке, и известнейшей актрисой, шагающей в белом платье по красной ковровой дорожке, и деловой женщиной в строгом костюме, держащей в руке плоский портфель. Но я очень сомневалась, что где-то есть настолько другая жизнь...

Тринадцатилетие ознаменовалось для меня двумя наиважнейшими событиями. Прямо в день рождения я получила от судьбы два невероятных подарка, которые потрясли меня до глубины души и наполнили последующие дни восторгом и волнением. Покой улетучился с такой скоростью, что некоторое время я пребывала в полуобморочном состоянии и вполне заслуженно получала от тети Томи шлепки и крепкие словечки. Я спотыкалась на ровном месте, улыбалась невпопад, проливали чай на скатерть, вертелась около зеркала и то радовалась, то огорчалась...

В тот день, десятого февраля, погода, как назло, испортилась. Я ждала солнца, но небо заволокло тучами, температура опустилась до двадцати четырех градусов, ледяной ветер завывал и обжигал щеки, да еще добавился снегопад... Полтора километра до школы – не слишком большое расстояние, привычное, но в то утро оно мне казалось бесконечным.

Зимние ботинки развалились, и я надела осенние, старенькая коричневая куртка совершенно не спасала от холода, вязаная шапка тети Томи съезжала назад и не грела. Лилька, одноклассница и подруга, увидев меня, стала подпрыгивать на месте и хлопать себя руками по бокам. Мы с ней из разных деревень и всегда встречались в одно и то же время на развилке.

– Опаздываем! – выпалила она, морща нос. – Я тебя жду, жду... Холодина!

– Ага, – согласилась я. – Тетка задержала...

– Ой, поздравляю с днем рождения! – Лилька перестала подпрыгивать и улыбнулась до ушей. – Желаю счастья, здоровья и всего самого хорошего!

– Спасибо.

Зуб на зуб не попадал, и мы быстрым шагом устремились дальше, продолжая разговор на ходу.

– А что тебе тетка подарила? – с любопытством спросила Лилька, прищурившись. Моя жизнь ей часто казалась удивительно-непонятной, наверное, потому, что наши семьи были совершенно разные.

– Шапку, – коротко ответила я.

– Эту?

– Да.

– Но она... ну... странная какая-то.

– Ты кого имеешь в виду? Тетку или шапку?

– Тамара Яковлевна само собой немножко того... Я про шапку!

Лилька считала себя модницей. Во-первых, ее мама шила отличные вещи, благодаря чему даже несколько раз побывала в Большом Доме, построенном пять лет назад московскими богатеями на берегу озера. Семья Акимовых, проживающая в двухэтажном особняке, давно обросла легендами и тайнами и вызывала живейший интерес буквально у всех. Во-вторых, прошлым летом Лилька коротко постриглась, подражая какой-то французской певице, и теперь мечтала покрасить волосы в яркий, почти оранжевый, цвет. Она собиралась сделать это еще под Новый год, но натолкнулась на стену непонимания со стороны бабушки, расстроилась и отложила перевоплощение на другую дату. «Представляешь, – возмущалась Лилька, – она пообещала содрать с меня три шкуры! Сказала, что это прямая дорога в ад, и назвала меня перспективной блудницей. Интересно, откуда она такие слова знает?..» Я тоже мечтала перекрасить свои скучные светлые волосы в шоколадный цвет, но не в ближайшем будущем, а лет через десять-пятнадцать. В-третьих, у Лильки была потрясающая сумка с кисточками на кармашках и разноцветными бусинками на ремне. Это чудо ей прислала из Санкт-Петербурга старшая двоюродная сестра.

– Шапка мне просто велика. – Я пожала плечами. – Ее раньше тетя Тома носила, а потом она ей разонравилась.

– Понятно, – многозначительно выдала Лилька, и мы, переглянувшись, захихикали.

Пять уроков тянулись бесконечно. Я совершенно не могла настроиться на учебу, поэтому сидела тихо, практически не шевелясь, и мечтала.

Тринадцать лет – это же много?

Да, я уже взрослая.

Но что изменилось?

Мне хотелось чего-нибудь нового, необыкновенного, особенного, но в голову лезла какая-то ерунда: а если устроить скромную вечеринку на чердаке (невозможно, потому что невозможно), а если купить билет на поезд и умчаться на юг или на север (невозможно, потому что невозможно), а если раздобыть косметику, накраситься и... И что дальше? Нет, все не то... Я вздыхала и бросала короткие взгляды на Лильку. Тихая грусть и детская глупая зависть переполняли душу до краев. У моей подруги была семья: мама, папа, бабушка, дедушка плюс многочисленная родня. И они все воевали между собой с утра до вечера, а затем так же шумно мирились и рыдали от умиления. Они собирались по выходным за круглым столом, изредка куда-нибудь ездили или ходили друг к другу в гости. Лилька рассказывала, что много лет назад, когда она еще не родилась, ее близкие пять месяцев придумывали ей имя: спорили до потери сознания, ругались, сгоряча делили имущество, ходили к провидице, изучали словари и в конце концов уgomонились, выбрав – Лилия. Имя редкое, но, как ни странно, строгая бабушка его одобрила – видимо, сказалось увлечение любовными романами. Я никогда не была у них в доме, но не сомневалась, что в комнатах уютно, тепло, а на кухне всегда пахнет пирогами.

– Пойдем к озеру, – предложила Лилька после уроков. – Колька сказал, что Акимовы приехали на новой тачке – огромной, с рисунком! Вроде огонь нарисован и черная пантера... Врет, наверное, но все равно давай сходим и посмотрим, а?

Дом у озера мы называли Большим Домом – с заглавных букв, уважительно. Мы не знали, кто там живет постоянно, а кто бывает наездами, но, по слухам, хозяевами были пожилой мужчина, вечерами попыхивающий трубкой на балконе, и его чудаковатая жена, обожающая пуделей и розовый цвет. Именно она как-то обратилась к Лилькиной маме с просьбой укоротить платье. Так же на участке частенько видели высокую блондинку лет сорока, полного мужчину с пышными усами, двух старушек, нервную дамочку, а еще мальчика и девочку. По разведданным Кольки, «на буржуев Акимовых батрачили» шофер, садовник, домоправительница (похожая на Фрекен Бок), повариха и три служанки. Я подозревала, что он врет и количество обслуживающего персонала можно смело поделить на два. Но, с другой стороны, это могло быть и правдой – по словам Лилькиной мамы, коридоры и комнаты Большого Дома обставлены очень богато, и не так-то просто убрать на двух этажах («а чисто там и красиво, как в музее»).

– Ладно, пойдем, – согласилась я, хотя тащиться по морозу к озеру мне совершенно не хотелось. Но мечты о вечеринке на чердаке и путешествии на юг или север сбыться все равно не могли, а к тете Томе я уж точно не спешила.

Пройдя полпути, я стала мечтать о большой тяжелой шубе, шерстяных носках и валенках, а также о том, чтобы меня посадили на лопату и отправили в печь!

– Чертова холодина! – выругалась Лилька, растирая и без того красный нос. – Ну, если Колька обманул и мы не увидим машину с пантерой, я его убью!

– И я его убью тоже, – буркнула я, вжимая голову в плечи. О, если бы у меня был шарф! Широкий, длиннющий, с разноцветными полосками! Я бы обмоталась им пять раз (или шесть!) и согрелась. Уверена, я бы не мерзла, и мое горло, открытое всем ветрам, не готовилось бы к очередной простуде.

Забор Большого Дома представлял собой кирпичную стену, прерывающуюся в двух местах воротами. К главным кованым воротам редко кто подходил из местных (маячить перед Акимовыми желания не возникало), а вот вторые ворота, те, что ближе к лесу, вызвали живейший интерес у мальчишек (через сетку можно было увидеть приличный кусок дома, часть участка, гараж и беседку).

– Смотри! Машина! – воскликнула Лилька, проткнув пальцем воздух. – И картинка есть, правда есть!

Я с удивлением уставилась на рисунок, потому что раньше такого чуда не видела. Машина была большой, серебристой и напоминала каплю воды, в которой отражался весь мир. Нарисованный огонь полыхал на боку, а из него выпрыгивала черная гибкая пантера.

Мы прижались к воротам и замерли, любуясь.

– Везука им, да? – выдохнула Лилька, и изо рта у нее вырвались клубы белого пара.

– Ага, – кивнула я и улыбнулась.

Откуда взялась эта непонятная радость – не знаю, а только мне вдруг стало необыкновенно хорошо, даже холод отступил на второй план. Я представила себя свободной дикой кошкой, такой же грациозной, красивой, летящей в прыжке через пропасть, и... И моя губа прилипла к воротам! Не сразу сообразив, что произошло, я дернулась назад и вскрикнула. В глазах заребило, я прикрыла ладонью рот и зажмурилась.

– Ты чего? – донесся испуганный вопрос Лильки.

– Буба... – жалобно выдала я.

– Чего?

– Губа... – ответила я более четко.

– Кто ж зимой до железок дотрагивается! – с осуждением воскликнула Лилька, не зная, чем помочь.

И тут я услышала скрип снега, а затем раздался требовательный и незнакомый голос:

– Покажи.

От неожиданности я вздрогнула и открыла глаза. Чуть в стороне стоял симпатичный крепкий парень в джинсах, грубых ботинках, короткой синей куртке с мехом на капюшоне. На вид он казался чуть старше нас – на год, максимум на два. И его взгляд лишил меня возможности не только двигаться и говорить, но и соображать.

– Покажи, – повторил он, но я не шелохнулась.

– Кажется, она припечаталась к забору... – попыталась объяснить Лилька. – То есть... – Она выдала смешок и замолчала.

Парень нахмурился и подошел ближе, отчего моя душа сжалась в маленький пушистый комочек. Я вдруг увидела себя со стороны: нескладная худющая девчонка в огромной дурацкой вязаной шапке, с перекошенным лицом, с ладонью, прижатой к губам. Мне захотелось опустить руку, но она меня не послушалась. Нет, я не могла продемонстрировать свое уродство – ни за что на свете! Не сейчас!

Подойдя еще ближе, он достал из кармана носовой платок и протянул его мне.

– Возьми, тебе пригодится.

Первый раз в жизни я видела парня, у которого есть носовой платок. И это было второе чудо за день!

– Бери, раз дают, – выпалила Лилька и округлила глаза, пытаясь втолковать, что выгляжу я весьма глупо.

Но я и так это знала и ничего не могла поделать.

– Давайте знакомиться. Я – Павел. – Он коснулся пальцами моего запястья и участливо улыбнулся. – Не волнуйся, ничего страшного...

– А я – Лиля, а она – Настя!

– М-м, – подтвердила я слова подруги и тихо вздохнула.

– Очень приятно, – серьезно ответил Павел и отвел мою руку в сторону.

Холод и боль обожгли распухшую губу (а я не сомневалась, что она распухла до небывалых размеров!), и я тут же схватила предложенный платок и вновь прикрыла рот.

– Все не так уж и плохо, – утешила Лилька и сморщила нос. – Если помажешь облепиховым маслом, то к утру заживет.

Но меньше всего я думала об облепиховом масле... Совсем другие мысли кружили в голове, превращая меня в слабое, безвольное существо, способное рухнуть в обморок в любую минуту. Что-то изменилось, и я уже догадывалась что, но боялась признаться себе в этом. Оттягивала момент истины и неотрывно смотрела на Павла...

О нет, я никогда не была влюбчивой, никогда не писала записки понравившемуся мальчику, не ходила на свидания, не шепталась, не прихорашивалась, собираясь произвести на кого-то впечатление. О взрослых отношениях я если и мечтала, то только когда читала книги о дворцовых переворотах и приключениях на краю земли. А это был иной мир – фантастический, и я ни при каких обстоятельствах не могла оказаться в нем. Ни при каких! Это... ну... из разряда невероятного.

Но миг ситуация изменилась... Передо мной стоял светловолосый зеленоглазый парень, и сердце стучало все тише и тише...

– Почти незаметно, – подтвердил Павел. – Хочешь, пойдем ко мне, – он кивнул в сторону Большого Дома, – и ты сама убедишься.

Наверное, я выглядела очень глупо, а после услышанного опять потеряла способность соображать.

– Ты здесь живешь?! – воскликнула Лилька, озвучив мое изумление.

– Да, – без оттенка хвастовства ответил Павел. – Приехал к деду и бабушке на неделю. В школе объявили карантин, и я отдыхаю от учебы.

Наконец оторвав руку от лица, я посмотрела на маленькое кровавое пятнышко на краю платка и шумно вздохнула. Боль утихла, шок пошел на спад, но от этого легче не становилось...

– Спасибо, – пробормотала я, поправляя шапку (хотя мне хотелось немедленно снять ее и зашвырнуть подальше в лес!). – Я постираю платок и верну его... тебе...

– Не надо, – ответил Павел таким тоном, что мне сразу стало теплее. – Оставь себе, вдруг еще пригодится.

– А ты правда нас приглашаешь? – хитро спросила Лилька. – Мы замерзли и выпили бы чаю.

– Конечно, пойдемте.

– Прямо сейчас? – уточнила она.

– Да.

Я сразу поняла: Павел ей тоже понравился, но не так, как мне. Лилька радовалась, точно ребенок, который увидел банку вкусного малинового варенья, а я... А я падала в бездну, путаясь между «до чего же хорошо!» и «спасите, помогите, все ужасно!». Я жалела, что прижалась губой к ледяным воротам и испортила и без того невыразительную внешность противной раной, жалела, что плохо одета, что растеряла слова и не произвожу впечатления нормального человека. А хотелось-то быть кинозвездой!

– Пошли, – твердо произнес Павел и, развернувшись, направился вдоль забора. – Эти ворота закрыты, – объяснил он, не оборачиваясь.

– Ух ты! Нам никто не поверит. – Лилька крутанулась на месте и шепотом добавила: – Давай быстрее, пока он не передумал... Здорово, да? Какая же ты молодец, что облизала эту железяку.

Мы торопливо зашагали следом по узкой дорожке. Ветер перестал завывать, и холод уже не пробирал до костей, во всяком случае, я больше не мерзла. Взгляд выхватывал то искрящийся снег, то голые ветки деревьев, то тяжелые облака, то островки кустарника и настойчиво тянулся к Павлу... «Этот день рождения вряд ли когда-нибудь забудется...» – пронеслось в голове.

– Я очень страшная? – остановившись, спросила я у Лильки и осторожно дотронулась кончиком языка до раны.

– С ума сошла? – фыркнула подруга и пулей понеслась дальше.

Перешагнув порог дома, мы оказались в том самом «музее». Первая же просторная комната удивила нас огромной люстрой, многочисленными креслами, низким стеклянным столом, золочеными светильниками, пушистым ковром, напольными вазами и многим, многим другим. Каждая вещь казалась очень красивой, особенной и требовала немедленного внимания. Но мне приходилось отвлекаться на Лильку. Я боялась, что моя замечательная подруга споткнется и грохнется (и мы вконец опозоримся!), потому что она от перевозбуждения не могла идти спокойно, постоянно оглядывалась, делала многозначительные знаки, переводящиеся как: «ух ты!», «супер!», «я тоже такую штуку хочу!», и блаженно улыбалась.

Собственно, я разделяла ее восторг. О, если бы представилась возможность, если бы не шок от увиденного и... неожиданное появление матери Павла, я бы, наверное, перетрогала все, что подвернулось по пути! Но увы...

По лестнице спускалась высокая женщина, одетая в мягкие черные брюки и белоснежный свитер. Ее светлые волосы, уложенные волной, почему-то сильно блестели, тонкие черные брови резко выделялись на бледном лице, впрочем, как и ярко-красные губы.

– Мам, я пригласил девочек, – спокойно произнес Павел. – Они замерзли, и нам нужен чай.

Лилька тихонько толкнула меня локтем в бок, и я чуть заметно кивнула – с минуты на минуту нас могли выставить на улицу...

– Хорошо, – равнодушно ответила мать Павла и, коснувшись тонкими пальцами горловины свитера, добавила: – Ужин в восемь, не забудь.

Намек был ясен, но мы и не собирались засиживаться – впечатления и так переливались через край.

В кухне пахло очень вкусно: жареным мясом, хлебом, травами и чем-то пряно-сладким. Лилька сразу плюхнулась за стол и в ожидании устала на холодильник. Наверное, она, надеясь, что пузатый монстр, хранивший в себе множество деликатесов, распахнет совершенно самостоятельно дверцу и предложит на выбор колбасу, холодец, сыр и оладьи со сметаной. Я же потеряла аппетит еще около забора и мечтала только об одном – увидеть свою ужаленную холодом физиономию.

– Зеркало около раковины, – прочитал мои мысли Павел и указал на маленький узкий навесной шкафчик. – Там аптечка, если что-нибудь нужно, то бери, не стесняйся.

Я подошла к зеркалу и быстро изучила свое отражение. Ничего так, вполне... Губа почти не опухла, да и ранка не напоминала кратер вулкана (чего я боялась), нос, правда, приобрел цвет помидора, но, в общем и целом, я выглядела как обычно.

– А у Насти сегодня день рождения! – радостно выпалила Лилька и подперла щеку кулаком. – Здорово, да?

– Поздравляю, – коротко ответил Павел и посмотрел на меня. Наши взгляды встретились, мы на пару секунд замерли, а затем улыбнулись друг другу. Он – по-доброму, я – чуть смущенно. – Сейчас будем пить чай с пирожными, располагайтесь и чувствуйте себя как дома.

Раньше я никогда не ела эклеры, вероятно, именно поэтому при отсутствии аппетита слопала сразу три штуки. Лилька же налегала на маленькие трубочки и одинаковые хрустящие шарики, обсыпанные сахарной пудрой, хихикала и постоянно толкала меня ногой под столом.

Мое состояние трудно было описать словами: оторвавшись от пола, превратившись в белое серебристое облако, я зависла под потолком. Считать минуты не имело смысла, но я все равно считала... Сколько осталось, сколько?.. Часы на полке буфета тикали слишком громко, за что я их почти ненавидела.

– Сегодня вообще-то холодно, – сказал Павел, когда мы собрались уходить. Шагнув к шкафу, он стянул с крючка свой серый шарф и сам обмотал им мою шею. – Теперь не замерзнешь, – он улыбнулся и извинительно добавил: – Если бы я знал заранее, что встречу тебя, и... что у тебя день рождения... Ну, я бы подготовился получше.

Дорога до развилки показалась удивительно короткой, Лилька тараторила без умолку, мечтая как можно скорее разболтать о случившемся в школе. Еще бы! Мы побывали в Большом Доме! Завтра точно все обзавидуются.

– Он красавчик, да? – выдала она на полпути.

– Ага, – согласилась я.

– Интересно, кто ему больше понравился: ты или я?

– Не знаю.

– Наверное, я. Хотя тебе он подарил шарф, но это не считается... у тебя же день рождения.

Я ничего не ответила, лишь мечтательно улыбнулась. К сожалению, Павел скоро уедет, и, наверное, мы больше не увидимся... Или увидимся не скоро, когда все будет по-другому... Не будет искрящегося снега, колючего ветра, трескучего мороза и дурацкой надежды, не имеющей даже названия. «Но шарф! У меня есть шарф! Самый лучший шарф на свете!»

– Только Кольке расскажу я, ладно?! – крикнула Лилька, устремляясь по дороге к своей деревне.

– Ага, – ответила я и свернула направо. Мне, наоборот, не хотелось делиться впечатлениями ни с кем, точно крохотная тайна, поселившаяся в душе, могла исчезнуть без следа. Я не понимала: плакать или смеяться? И я задавалась вопросом: неужели так мало нужно, чтобы втрескаться по уши?..

Дома меня ждал еще один подарок, о котором я узнала поздно вечером, когда леглась спать. Тетя Тома пропадала у своей подруги, нашей соседки, и никто не мешал мне фантазировать о счастливом будущем (и заодно расстраиваться). Я натянула байковую ночнушку, надела заштопанные, но любимые носки и села на кровать. Давно стемнело, комнату оживлял лишь тусклый свет настольной лампы да подрагивающая штора на окне. Надеюсь увидеть особенный сон, я собиралась положить шарф Павла под подушку – смешно, конечно, но и в тринадцать лет вера в чудеса настойчиво продолжала жить.

Я ему понравилась?

Хотя бы чуть-чуть?

Да, почему бы и нет...

Неа, Лилька же гораздо симпатичнее...

Завтра Павел прискачет на коне и увезет меня на край света!

Точно!

Ну, или не прискачет и не увезет...

А может, мне утром отправиться в сторону Большого Дома и погулять немного около озера? Прогулки очень полезны для здоровья.

Отложив подушку в сторону, я... удивленно замерла. На простынке лежало нечто незнакомое, не пойми откуда взявшееся и тем пугающее. Что это?.. Что?

Я протянула руку и тут же отдернула ее. Вскочила, уронив шарф на пол, включила свет и вернулась к кровати. Страх ледяными мурашками пробежал по спине и... неожиданно исчез. Мне вдруг стало тепло, даже жарко, сердце забилося ровно, а душу сжала ноющая, но приятная боль. Интуитивно, не имея никаких объяснений и доказательств, я почувствовала, что эта вещица несет добро, а не зло, и не нужно бояться...

На простынке лежало украшение – тонкая змейка с аккуратной плоской застежкой. Круглые хрустальные камушки чередовались с квадратными зелеными, а еще зеленые капельки свешивались в промежутках.

Ожерелье. Да, это было ожерелье.

– Ух ты... – прошептала я, подалась вперед и коснулась кончиками пальцев змейки. Меня тут же захлестнули знакомые запахи: резкий, терпкий, удушливый... теплый, цветочный, солнечный... табачный, аптечный, хвойный... Голова закружилась, ноги подогнулись, пол качнулся... Если бы рядом стояла Лилька, то, наверное, она бы подскочила и бросилась из дома с криками: «Люди, люди, Настька умирает!», и была бы почти права, потому что я не чувствовала собственного тела и на несколько затяжных секунд потеряла связь с реальностью – меня звало прошлое...

Резко выпрямившись, вцепившись в спинку кровати, я часто задышала и только в этот момент заметила белый конверт... Он тоже лежал на простынке, но чуть выше и левее. Вероятно, изумление помешало мне обратить на него внимание раньше – новый поток вопросов закружился в голове, и я, ослабев, опустилась на стул. Догадки толкали к действиям (в конверте письмо! хватай его!), но я не двигалась с места минут пять. Я была абсолютно уверена, что тетя Тома не имеет к этому никакого отношения, а представить, будто кто-то пробрался в дом и положил подарок мне под подушку, решительно не могла!

Но кто-то же заглядывал в мою комнату... Где этот человек и как его зовут?

Я поднялась, вновь протянула руку и взяла конверт. Открыла его и вынула небольшую фотографию. На меня, улыбаясь, смотрела необыкновенно красивая женщина. Летнее платье... сумочка... босоножки... русые волосы по плечам... и уже знакомое ожерелье на шее...

Мама. Это была моя мама.

Я ее вспомнила.

Но только ее.

И больше никого и ничего...

Глава 2

Я попадаю в переделку, но на помощь спешит прекрасный принц...

Тетя Тома вернулась утром. Субботы она всегда любила, и я полагала, что настроение у нее будет вполне нормальное. То есть меня не заставят в профилактических целях («работай, может, человеком станешь!») драить полы, таскать дрова из сторожки («кланяйся Дмитрию Петровичу за его доброту!») или выбивать ковры, предварительно присыпав их снегом. Я так часто занималась и тем, и другим, и третьим, что с досок пола давно слезла краска, дрова буквально вываливались из сарая, а два ковра – гордость тети Тома – находились в пограничном состоянии между жизнью и смертью и могли рассыпаться при следующей чистке на клочки.

Но надежды на спокойные выходные оказались напрасными – в десять часов двор огласился сначала жалобным скрипом калитки, а затем гневным рыком моей тетки:

– Прохлаждаешься, заноза! А чего прохлаждаешься? Делать нечего?! Людка, сволочь, опять меня в карты обставила! Три дня теперь голодать будем!

Людмила Игоревна – наша соседка, милейшая женщина шестидесяти трех лет, до икоты боялась тетю Тому и по этой причине ни в чем ей не отказывала. А в карты играла исключительно на копейки, иначе уже давно бы слегла с инфарктом...

– Доброе утро, – невпопад ответила я, запоздало сообразив, что эти слова наверняка вызовут очередной приступ раздражения. Но мое сердце пело и замирало от счастья – я находилась далеко-далеко, за тридевять земель... Привычная ругань и даже настоящая трехдневная голодовка не смогли бы отнять мою радость. Я стала сильнее. На чуть-чуть. Но все же.

– Вы посмотрите на нее! – всплеснула руками тетя Тома. – Утро у нее доброе... Тринадцать лет девке, а ума ни на грош! – она фыркнула, прошла мимо, затем резко остановилась и развернулась. Колючий взгляд проткнул меня насквозь. – Ты почему улыбаешься? Что у тебя в голове, я спрашиваю?!

Я не улыбалась – точно. Может внутри, втайне... Но тетка отчего-то безошибочно угадала мое состояние.

Конечно, я думала о вчерашнем дне, вспоминала чуть ли не каждую минуту и задавалась миллионом вопросов. У меня разом появилось столько волшебных секретов, что все плохое мгновенно отскакивало в сторону.

Во-первых, ожерелье и фотография. И то, и другое я убрала в надежное место – за подкладку осеннего полупальто (тетя Тома отдала мне его уже с дыркой под рукавом, а я зашивать не стала и прятала туда все самое ценное). Полночи я взволнованно металась по комнате, пытаясь вспомнить далекое детство. Но не получалось! Точно передо мной стояла высоченная стена, которую не обойти и не перепрыгнуть. Ожерелье... О, я его бесконечно любила! Оно казалось необыкновенно красивым, хотя и выглядело просто – белый камушек, зеленый камушек и капельки. Своей скромностью оно нравилось мне еще больше, потому что в будущем я собиралась его носить незаметно под свитером или кофтой. Тайком – это очень важно!

«Тетя Тома ничего не должна узнать...»

Моя уверенность в том, что к украшению и фотографии она не имела никакого отношения, была незыблема, как скала. Нелюбовь я чувствовала практически каждый день и вовсе не обманывалась на этот счет. Интуиция тихонько нашептывала: «Не показывай, ни за что не показывай ожерелье...», и я, мысленно соглашаясь, собиралась поступать именно так.

Но кто принес бесценный подарок? Кто этот человек? Как он нашел меня и почему прячется? Единственное объяснение, которое я находила правдоподобным, заключалось в следующем: кто-то когда-то знал моих родителей и теперь хорошо относится ко мне, наверное, живет

рядом, но, к сожалению, боится гнева тети Тома (а ее гнев – это не нравоучительное «как вам не стыдно», это гром, молния, взмах топором и проклятия до третьего колена), и... В общем, решил он сделать доброе дело. И сделал. Да.

Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо!

Во-вторых, Павел. Он особенный – добрый, серьезный, умный, красивый, и я обязательно должна увидеть его хотя бы еще раз...

Я представляла, как он берет меня за руку, и мы топаем по дороге к школе или болтаем на перемене у окна. О, пусть он переедет сюда, к бабушке и дедушке, и учится со мной в одной школе...

– Что у тебя в голове, я спрашиваю? – повторила тетя Тома и сдвинула брови.

– Э-э-э... – ответила я, пытаюсь изобразить на лице глубокую растерянность и на всякий случай не менее глубокое огорчение.

– Ты, часом, умом не тронулась? – поинтересовалась тетка с насмешкой, а может, даже с надеждой. – Бери сумку – и марш в магазин! Дома шаром покати, а она стоит, как кладбищенская часовня! Как есть заноза! – Вынув из кармана деньги, тетя Тома добавила командным тоном: – Макарон купи, консерву какую-нибудь подешевле, печенья и сахара.

Трехдневная голодовка, видимо, опять откладывалась на неопределенный срок. Радуюсь, что не нужно драить полы, я совершенно счастливая понеслась в сторону магазина. Было жаль, что шарф остался дома, но и его показывать тетке я не хотела – подарок Павла я тоже собиралась трепетно хранить.

Магазинчик находился недалеко от сторожки, и мне предстоял не слишком долгий путь мимо соседских домов, круглого заледенелого пруда и наваленных кое-как бревен, давно вросших в землю и превратившихся в место для посиделок. По печеню я очень соскучилась и собиралась купить не какое-нибудь обычное, похожее на картонку, а вкусное, овсяное (и пусть тетя Тома потом распилит меня на части!). Бодрое, радостное настроение не покидало меня всю дорогу, я лишь жалела о том, что вчера съела только три эклера.

– Эй! Ланье! – раздался резкий насмешливый голос, и я вздрогнула.

На одном из бревен сидел Славка Шумейко по кличке Шаман, а рядом с ним, прислонившись к березе, стоял его друг Вадька Авдонин по кличке Доня. И тот и другой имели противную привычку цепляться к тем, кто помладше, а уж мимо меня вообще спокойно пройти не могли. И почему-то моя фамилия – Ланье – их особенно раздражала, из их уст она звучала некрасиво и ужасно обидно. Чтобы меня задеть, им даже не нужно было придумывать прозвище или какую-нибудь рифму. Лань-е-е. Славка всегда тянул последнюю букву, после чего сплевывал и усмехался.

Их двое, а я одна – шансов спастись без потерь не было, и я юркнула в магазин, наивно надеясь, что они скоро уйдут.

Но они, конечно же, не ушли.

Зачем уходить, когда минут через десять из укрытия выскочит перепуганный кролик, за пазухой у которого будут лежать макароны, тушенка, печенье и сахар?

Такого кролика нужно схватить, ограбить, зажарить и слопать!

Из магазина я выплыла неторопливо, с достоинством. На лице – легкая задумчивость, глаза – к небу, губы сжаты, руки поддерживают покупки, прилично раздувающие куртку. Я шла ровно, каждой клеточкой тела ожидая окрика, готовясь к грубости и подзатыльнику (а также к тому, что у меня отберут продукты, и тетя Тома, мягко говоря, этого не одобрит).

– Лань-е-е, – поднимаясь с бревна, процедил Славка-Шаман, но я сделала вид, будто не слышу его. Ну, почему, почему после хорошего всегда случается плохое?

– Чего купила, Настька? – заулыбался Доня и отлип от березы. – Поделиться с нами не хочешь?

Они двигались хищно и быстро, а я крепче прижимала к себе овсяное печенье и мысленно упрямо повторяла: «Не отдам, не отдам, не отдам...» Собственно, я могла гордиться тем, что пару раз умудрилась сбежать от Шамана, и эти воспоминания, видимо, придали мне некоторую силу. Посчитав, что один шанс на миллион у меня есть, я подпрыгнула на месте и припустила к дому, но уже через несколько секунд крепкая рука обрушилась на мое плечо, и за спиной раздалось самодовольное: «Куда собралась, голуба?!»

Куда-куда... К дорогой и любимой тете Томе!

Споткнувшись, я полетела на притоптанный снег. Шапка съехала набок, жалобно хрустнули макароны или печенье, боль одновременно пробила коленки и руки. Но самое прискорбное, что сверху на меня рухнул Шаман, и я потеряла возможность двигаться, потому что он был не только старше меня на два года, но и тяжелее килограммов на двадцать.

– Переворачивай ее! – помог другу советом Доня, и я почувствовала себя неуклюжей черепахой, из которой сейчас сварят суп.

Славка заворочался и откатился влево. Стало значительно легче, но от волнения я не могла спокойно дышать. Холод и страх лезли под воротник и ползли по спине дальше...

– Немедленно оставьте ее в покое! – Сухой и твердый голос коснулся души, и я зажмурилась.

Павел. Это был Павел!

Или послышалось?..

Переворачивать меня не пришлось, я это сделала совершенно самостоятельно, уложившись в секунду.

Славка мгновенно подскочил и встал рядом с Доней плечо к плечу. Они напоминали двух взъерошенных подростков-волчат – осторожных, но злых. А я, забыв про сахар и тушенку, лежала на спине и смотрела на Павла. Да, это был он. Настоящий! В той же синей куртке с мехом на капюшоне, джинсах и ботинках с тракторной подошвой. Сердце сжалось, в животе булькнул восторг, и на миг я закрыла глаза, все еще не веря в происходящее.

Страх медленно таял, вернее, превращался в нечто иное – в беспокойство. Двое против одного... и будет драка... Нечестно.

Но почему же двое против одного?!

А я? Доня не слишком-то сильный и не слишком-то смелый...

– Ты кто такой? – презрительно спросил Славка и сжал кулаки.

– Неважно, – ответил Павел и, демонстрируя врагам равнодушие, подошел ко мне и протянул руку.

Вторая встреча, и второй раз я выглядела совершенно глупо: то с распухшей губой у забора, то на снегу, заваленная продуктами. Но толком расстроиться по этому поводу я не успела – мои пальцы коснулись его пальцев, и оставалось лишь жалеть, что холодно и из-за варежек я не могу почувствовать тепло своего сказочного принца.

– О! Рыцарь какой! – хохотнул Доня.

Я встала рядом с Павлом (тоже плечо к плечу), но он тут же оттеснил меня назад, сказав тихо: «Я сам».

– Так кто ты такой? – повторил Славка и сделал два шага вперед. – Не нравится мне твоя физиономия... ох, не нравится... – Он едко усмехнулся. – Разукрашу я ее с большим удовольствием... ох, разукрашу...

Павел напрягся. Я это не увидела – почувствовала. Точно он превратился в камень – большой, серый, с острыми углами... Но на виске была заметна пульсирующая жилка, и глаза сверкали недобрым огнем.

Я сразу поверила: Павел один справится и с Шаманом, и с Доней, но на всякий случай тоже сжала кулаки и приготовилась. Банка тушенки после моих решительных телодвижений, потеряв точку опоры, выскользнула из-под куртки и шмякнулась прямо на мою ногу.

– Ты смотри! – захохотал Доня. – Невеста приданое растеряла!

Славка солидарно заржал, но почти сразу оборвал смех и, пользуясь моментом, неожиданно налетел на Павла. Они должны были сцепиться, превратиться в комок ненависти и дружно упасть в снег, я уже видела эту картину и собиралась броситься следом. Но ничего подобного не произошло – раздался глухой удар, и Славка один полетел в сугроб. Тут же вскочив, он вновь бросился на Павла, злость даже позволила ему ответно ударить, но через мгновение Шаман вновь оказался в сугробе.

– Сволочь! – взревел Доня и устремился к неприятелю.

Я закусила губу, выставила ногу вперед, и второй враг, споткнувшись, сплотившись на дороге и впечатался носом в лед.

– Не вмешивайся! – резко бросил мне Павел и схватился со Славкой не на жизнь, а на смерть.

Доня, проклиная все на свете, изрядно матерясь, поднимался медленно, поглядывая в мою сторону с возрастающей ненавистью...

Наверное, бой закончился бы не скоро (мы бы, конечно, победили), но вдруг раздался отчаянный девчачий визг, затем отрывистый лай Байкала, а затем рассерженный голос его хозяина – Дмитрия Петровича:

– А ну, хулиганье, брысь отсюда! Сейчас собаку спущу, будете знать! Без штанов с голым задом домой побежите!

Обернувшись, я увидела нашего сторожа, злющего лохматого Байкала и незнакомую девчонку в короткой белоснежной шубке и белой шапке. Она уже не голосила на всю деревню, а бежала молча, прижав ладони к щекам.

– Черт, – выругался Славка, в который раз поднимаясь. Гневно посмотрев на Павла, он многообещающе прошипел: – Мы еще с тобой встретимся... Пошли, Доня!

Доня тоже не был доволен вынужденным окончанием драки, он планировал превратить меня в боксерскую грушу или четвертовать, вот только удача была не на его стороне.

– Если вы еще хоть раз ее тронете, я вам головы оторву, – пообещал Павел, и получилось это у него как-то весомо, по-взрослому.

– Не смейся, – ответил Славка и плюнул на дорогу. Но в его взгляде сквозило уважение.

Раньше за меня никто никогда не заступался, я и не подозревала, как много значит ощущение уверенности в подобной ситуации – вот сейчас, сейчас появится человек, который заслонит собой и скажет: «Я сам!» И действительно спасет.

Проигнорировав скоропалительный уход Славки и Дони, мы с Павлом стояли неподвижно и смотрели друг на друга. Робко и в то же время победно губы растягивались в улыбки.

– Замолчи, Байкал! Хватит уже брехать, без тебя разобрались! – громко проворчал Дмитрий Петрович и, махнув рукой в нашу сторону, мол, вечно от вас, молодых, сплошной шум и проблемы, засеменил к сторожке. Байкал, секунду помедлив, побежал следом.

– Пашка, ты что, дурак?! – Девчонка в белой шубке подлетела к нам, остановилась, отдышалась и гневно сверкнула серыми глазами. Теперь я могла ее разглядеть, и увиденное, конечно, мне не понравилось. Она была необыкновенно хорошенькой и явно знала об этом, она пользовалась косметикой и могла похвастаться очень красивой одеждой. Лилька бы обзавидовалась и голубым джинсам, и высоким замшевым сапожкам, и шубке тоже. – Пашка, это же бандюганы! Разве не видно? От них нужно держаться подальше! – Она смирла меня презрительным взглядом и поджала пухлые губы.

– Настя, познакомься, это Лиза, моя сестра, – спокойно произнес Павел и уточнил скорее для нее, чем для меня: – Моя младшая сестра.

– Ага, младшая, – усмехнулась девчонка. – Но поумнее некоторых буду. Если мама узнает, что ты ходишь в деревню и дерешься с местной шпаной, то...

– Она не узнает, – закрыл тему Павел и посмотрел на Лизу сердито. – Возвращайся домой.

– А ты?

– Я провожу Настю.

Моя душа запела! Ревность оказалась смешной и нелепой, к тому же Павел не собирался бросать меня после случившегося. И в деревне он появился не просто так – он искал меня, мечтал о встрече, скучал! Эта мысль крепко засела в голове, и отказываться от нее в ближайшие сто лет я не собиралась.

– Спасибо, – вежливо произнесла я.

– Тогда я с вами, – решительно заявила Лиза и посмотрела на меня уже с любопытством.

Гостей тетя Тома не жаловала, особенно если они приходили с пустыми руками, особенно если это были дети... Мне предстояло пережить еще один позор, но отказаться от возможности немного прогуляться с Павлом (пусть и в сторону моего дома) я не могла. Он стоял так близко, он был так силен и прекрасен!

Пакеты вместе с консервной банкой быстро переключались к нему, и мне оставалось лишь идти рядом, вдыхать холодный воздух и мечтать о скором замужестве и прочих невероятных глупостях, от которых становится щекотно в носу и животе.

– А тебе сколько лет? – спросила Лиза.

– Тринадцать, – ответила я, придавая голосу равнодушие и легкость.

– И мне тринадцать. А Павлу пятнадцать. Мы приехали ненадолго... У бабушки постоянная мигрень, а маме здесь тяжело и неудобно. О, как я ее понимаю... – Лиза театрально возвела глаза к голубому безоблачному небу и фыркнула. – И как вы здесь живете?.. Сплошные развалюхи и бандюганы.

– Хорошо живем, – твердо произнесла я, решив защитить деревню от насмешек приезжих.

– А мне здесь нравится, – сказал Павел, и мы обменялись быстрыми многозначительными взглядами.

Он был на моей стороне! Он точно говорил: не обращай внимания, Лиза думает, что жить по-настоящему можно только в городе, где куча магазинов и развлечений, но мы-то с тобой знаем, *что* самое ценное на земле...

Ну да, ну да, это я опять немножечко размечталась. Просто книжные герои всегда обменивались именно такими взглядами, и впереди у них потом оказывалось много-много счастья.

Мне повезло – тетя Тома гремела чем-то на чердаке и нашего появления не заметила. Оставив Павла и Лизу около двери, свалив продукты на стол, стараясь не шуметь и не гадать, какое впечатление окажет бедная обстановка на гостей, я метнулась к зеркалу и торопливо расчесала волосы. Лучше, наверное, не стало, но мне очень хотелось походить на девушку из журнала, красивую и уверенную в себе, мне хотелось вскружить Павлу голову и навеки поселиться в его душе. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» – шептала я, покидая кухню.

Целый час мы болтались по округе, вызывая интерес почти у каждого встречного. Лиза постоянно ругала холод, задавала вопросы про Славку-Шамана и Доню, фыркала, вставляла едкие замечания и поглядывала на меня.

– Значит, тебе нравится мой брат? – притормозив, неожиданно спросила она и щедро улыбнулась. – Забавно...

– Лиза! – Павел нахмурился и грозно посмотрел на сестру. – О чем ты вообще говоришь?

Мои щеки и уши вспыхнули, но я все же держалась молодцом, то есть не упала в обморок и не рассыпалась в пыль. Наверное, так получилось оттого, что я увидела волнение на лице своего сказочного принца – смущение коснулось нас одновременно, и я приняла этот знак за поддержку. Мысленно раскинув руки, я бухнулась на воздушную розовую перину счастья, да так бухнулась, что пух и перья полетели в разные стороны!

– Она на тебя пялится, как ненормальная, – пожала плечиком Лиза и вздернула нос. – Ясно же – влюбилась!

– Вовсе нет, – услышала я свой писклявый голос. – Дело в том... просто...

– Не обращай на Лизу внимания, – сказал Павел и виновато улыбнулся. – У моей сестры богатое воображение.

– Не-а, – усмехнулась Лиза, скривила губы и сунула руки в карманы шубки. – Интересно, как отреагирует мама на эту новость? Помнится, она просила тебя не приближаться к деревне...

Вредность чувствовалась в каждом ее слове, и мне нестерпимо захотелось превратиться в Славку-Шамана: уж он-то кому угодно мог надеть на голову ведро с мусором и сделал бы это обязательно легко и непринужденно.

– Не обращай на нее внимания, – повторил Павел, сжал локоть Лизы и сурово сказал уже ей: – Нам пора. Раз ты не хочешь огорчать маму, то самое время поторопиться домой.

– Но... – Лиза не договорила, потому что Павел решительно потащил ее в сторону озера.

– Еще увидимся! – крикнул он, и я кивнула.

Еще увидимся...

Да. Конечно. Обязательно.

Возвращаться к тете Томе вот в таком чудесном состоянии я не могла, мне срочно требовалось поговорить с кем-нибудь о Павле. Я должна была высказать все свои тайные мысли, помечтать, понюхать и получить хотя бы крошечную порцию утешения. Кто-то обязательно должен был сказать: «Он отличный парень и, конечно, любит тебя до умопомрачения, вы непременно поженитесь – глупо сомневаться в этом. Да-да, вопрос решен!» Улыбаясь, я зашагала к заброшенному клубу, находящемуся неподалеку от школы. Лилька по субботам частенько гуляла со своими подружками, и я надеялась встретить ее именно там. Вспомнив, какое впечатление на нее произвел Павел, я, честно говоря, о своих чувствах решила ревниво помалкивать, но все же, все же, все же...

Если бы на пути мне встретились Шаман и Доня, то, наверное, я бросилась бы их обнимать и целовать – радость переполняла душу до краев, теперь я знала: Павел готов защитить меня даже от «бандюганов».

– ...он протянул руку и помог подняться...

– Черт, черт, черт... – затараторила Лилька, округлив глаза от удивления. – Ну почему это случилось не со мной!

– ...он врезал Славке так, что тот полетел в снег! Я дышать перестала от страха...

– Черт, черт, черт! Ну почему это случилось не со мной!

– ...он уверенно говорил, будто никого не боялся... Славка с Доней точно не ожидали такого...

– Черт, черт, черт! Ну почему это случилось не со мной!

Лильку я встретила там, где и предполагала, и рассказала ей обо всем: и про драку, и про Лизу, и про наше неловкое расставание. Слова сами выскочили из меня, как горошины из дырявого пакета, и застучали по старым дощатым ступенькам клуба. «Она на тебя пялится... она на тебя пялится... ясно же – влюбилась... влюбилась... влюбилась...» – в ушах у меня отдавалось глухое эхо насмешливых обвинений вреднучей Лизы.

– А ты на него действительно пялилась? – хмуро поинтересовалась Лилька.

– Ну, немного... наверное... – пожимая плечами, ответила я.

– И влюбилась?

– Ну-у-у... чуть-чуть.

Лилька окатила меня обиженным взглядом, скрестила руки на груди, с трудом переварила все новости и выбрала достойную мишень для гнева:

– Лизка – гадина и свинота. Влезла, будто ее просили! А Павел что тебе сказал?

– «Еще увидимся».

– Интересно, сколько продлится карантин в его школе?

– Дней десять или пятнадцать, – с надеждой ответила я.

– Понятно, – Лилька помолчала немного, а затем, скрестив руки на груди, важно объявила: – Ладно, если у тебя все так серьезно, то забирай его себе. Я вмешиваться в ваши отношения не стану.

Пару секунд мы торжественно молчали, а затем посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Вообще-то, он мне нравится больше, чем чуть-чуть, – призналась я, ковыряя носком ботинка заледенелый снег.

– Если он сказал, что еще увидите, значит, это случится очень скоро, – мудро изрекла Лилька и кивнула, подтверждая свой благоприятный прогноз.

Но мы с Павлом не встретились ни на следующий день, ни через два дня, ни через неделю. Я ждала, продолжала мечтать, крутилась около зеркала, ходила кругами по деревне, отвечала тете Томе невпопад, чувствовала себя то счастливой, то несчастной и никак не могла взглянуть правде в глаза. Мне все казалось: вот сейчас, сейчас я увижу Павла... Вот сейчас, сейчас...

Но прошло два с половиной года, прежде чем наши дороги пересеклись вновь.

Глава 3

В моем личном мире происходит очередное землетрясение

К пятнадцати годам я сильно вытянулась, отчего худоба стала более заметной. Школьная директорша даже приходила к тете Томе, чтобы узнать, не морит ли та меня голодом. Но я ела вполне нормально, просто организм сжигал пищу, не откладывая на моих боках «ни мяса, ни жирка» (как говаривал сторож Дмитрий Петрович). «Позорище! стыдобень! Кормлю тебя с утра до ночи, а люди вон чего думают! Так скоро меня и мачехой назовут!» – возмущалась тетя Тома после очередного соседского намека.

Да, я была худющей и какой-то угловатой. Лилька сравнивала меня то с новорожденным жеребенком, неуверенно передвигающимся на длинных тонких ногах, то с богомолем, а то и с инопланетянином. Однажды она притащила журнал, раскрыла его и ткнула пальцем в репродукцию картины, на которой была изображена хрупкая болезненная девушка в длинном платье с рюшами. Ну, мне она, во всяком случае, показалась болезненной. «Это ты! – объявила Лилька и добавила: – Одно лицо! А у тебя аристократов в роду не было? Ланье – фамилия-то странная. Ты бы у тетки еще разок спросила...» Я спросила и получила вполне ожидаемый ответ: «Фамилия у тебя такая дурацкая, потому что в роду у тебя все были дураками! А если не веришь, то в зеркало на себя посмотри». Тетя Тома всегда умела хорошо объяснять – дополнительные вопросы уже не возникали.

Лилька, наоборот, выросла совсем немного, зато налилась, как спелое яблоко, отрастила волосы и отвоевала у родителей и бабушки право пользоваться косметикой. Мы с ней представляли странную пару – негармоничную, но для нашей дружбы это не имело никакого значения.

Отношения с противоположным полом (конечно, громко сказано) тоже претерпели изменения: появились недосказанность, смешки, полувзгляды, полувздохи. Вообще-то, это все появилось у влюбчивой вороны – Лильки, я же никем не интересовалась, лишь изредка доставала из дальнего угла шкафа шарф Павла, складывала его в который раз и убирала обратно на полку. Делала я это автоматически, точно это был ритуал, стараясь не вспоминать и не мечтать. Так как собственная внешность мне казалась малопривлекательной и даже странной, я не ожидала внимания от мальчишек и всегда удивлялась, когда кто-то крутился возле меня и краснел. «Их прямо-таки пучит рядом с тобой!» – восклицала Лилька, взмахивая руками. Пожалуй, в это я еще могла поверить.

К лету рядом со мной уже никого не «пучило», куда-то все подевались, и я осталась наедине с книгами. Герои по-прежнему влюблялись, женились, расставались, опять влюблялись и совершали подвиги и глупости. Я была уверена: жизнь спокойно потечет дальше, и никакие удивительные события со мной не произойдут – ни сейчас, ни потом. Но затишье оказалось ложным, и глаза на происходящее мне открыла Лилька. «Неужели ты ничего не замечала? Совсем ничего? Впрочем, я тоже... но все наши давно в курсе!»

Самым настоящим открытием стало то, что меня уже пару месяцев считали девушкой Славки-Шамана, и именно поэтому ряды моих друзей поредели. Парни, опасаясь получить по шее, предпочитали держаться в стороне, девчонки, видимо, тоже переживали, хотя некоторые неожиданно приглашали к себе или на прогулку (наверное, желали получить «горячие новости с полей»).

Я не могла понять, как такое получилось... Уж если Лилька ничего не заметила, то о чем тут говорить! Но, проведя тщательный анализ, встряхнув хорошенько память, мы пришли к выводу, что двух таких слепых клуш на свете больше нет. Последнее время я часто встречала

Славку: и по дороге в магазин, и возвращаясь из школы, а иногда он проходил мимо моего дома. Н-да, раньше это случалось гораздо реже... Мы не разговаривали, обменивались лишь взглядами и дежурным «привет». Причем этот «привет» Шаман произносил первым. Он давным-давно меня не мутузил, еще год назад потеряв интерес к «Ланье-е-е» (потому что я перестала быть малолеткой и превратилась в богомола и инопланетянина одновременно), каких-то особых контактов между нами не было.

– Настька, а че теперь делать-то? – волновалась Лилька.

– Понятия не имею. – Я пожимала плечами, продолжая считать ситуацию фантастической.

Внешне Славка тоже изменился – возмужал и вырос. Длинная челка падала на глаза, тонкие губы почти всегда были сжаты. Рубашку с первым весенним теплом он носил наполовину расстегнутой и навывпуск, потертые джинсы, рваные на коленях, трещали по швам. Он сильно отличался от наших с Лилькой сверстников и производил впечатление взрослого человека, которому море по колено. Тетя Тома называла его «убивцем» и чуть в обморок не упала, когда соседки сообщили ей, на кого он засматривается и кого себе выбрал...

– Господи, да у Настьки моей даже задницы нет, чтобы вертеть! Грудь – как две пуговицы после утюга! Да за что ж нам напасть такая!

По крайней мере, тетя Тома не считала меня виноватой, а это была большая редкость...

Славка завел привычку сидеть с Доней напротив нашего дома – на скамейке Тимохиных, под старым кривым кленом. Они щелкали семечки, молчали, болтали, курили, стряхивая пепел в траву, и неторопливо уходили, не проявляя ко мне совершенно никакого интереса. В такие моменты тетя Тома или важничала, будто уже пришли просить моей руки и от нее зависит «счастье молодых», или пряталась в кухне, опасливо поглядывая из окна на «будущего зятя». Мне она запрещала общаться с Шаманом и обещала проклясть, если я позволю себе лишнее. «Если ты все же обнаружишь у себя задницу, то не вздумай ею вертеть!»

В мае тетя Тома влюбилась в Глеба Аркадьевича – плотника, жившего на другом краю деревни. На моей улице случился праздник, потому что наступили относительно спокойные деньки без ругани и злости. Тетя Тома ради такого случая перетрясла все свои чемоданы-сундуки, приделась и шокировала деревню новенькими городскими нарядами. Она не боялась, что кто-то ее взглянет или, завидуя, назовет бедою, – наконец-то она была счастлива. Лилька говорила: «Настька, твоя тетка расцвела, точно роза перед грозой...»

А в середине июня Глеб Аркадьевич втрескался по уши в продавщицу Лиду и повел ее под венец. Все вернулось на круги своя (если не считать погрома, учиненного тетей Томой в доме разлучницы, и хмурого милиционера, который приходил к нам трижды и грозил судом и штрафом).

Июль выдался жарким, и мы с Лилькой, прихватив немного еды, гуляли с утра до ночи: с удовольствием купались, загорали и просто болтали, наслаждаясь каникулами. Подумывали о том, кем станем, смеялись и мечтали. И в один из таких теплых вечеров одна мечта – тайная, заветная – самым неожиданным образом сбылась, перевернув мою душу вверх тормашками...

– Колька говорит, что ночью из этого озера на берег выходят утопленники, – Лилька лежала на траве, раскинув руки в стороны, и смотрела на небо. – Врет.

– Ага, – кивнула я, разламывая булку на две части. – Никто же здесь никогда не тонул.

– Точно! Да и стали бы здесь жить Акимовы, если бы к ним в полночь в ворота мертвецы стучались? Ясно же, что не стали бы.

– Колька вечером здесь с парнями костер разводит, вот и придумал эту историю, чтобы народ не шастал да не мешал им. На трусов рассчитано, – подвела я итог.

– А давай его напугаем! – Лилька оживилась, села и убрала челку со лба.

Я уже догадалась, какие слова она произнесет в следующий момент, и, хитро прищурившись, сама быстренько предложила:

- Зайдем с того берега, подплывем к огню, выйдем и завоем!
- Я из дома бинты притащу, мы их на руки намотаем – получится страшно!
- Можно еще лицо сажей измазать...
- Не, лицо должно быть белое, – со знанием дела возразила Лилька. – Мелом лицо нужно натереть! Мелом!

Поздно вечером, когда на небе уже горели звезды, а тишина обволакивала и лес, и поле, и наши с Лилькой деревни, мы тайно выбрались из своих комнат и устремились к озеру. Пожалуй, затею можно было назвать дикой и опасной, но отступить никто не собирался.

Встретившись на развилке, мы долго не могли успокоиться – смех так сильно разбирал нас, что мы сгибались пополам и прикрывали ладонями рты, боясь разбудить всех птиц и насекомых в округе. Наверное, у нас случился нервный шок.

- Он упадет в обморок... – шептала Лилька.
- И Витька с Серегой тоже...
- Ага! Не представляю...
- У-у-у... надо выть погромче.

Только добравшись до озера, заметив вдалеке костер и неясные тени, мы наконец-то поняли, во что ввязались. Во-первых, в темноте мысли об утопленниках перестали быть такими уж забавными – нам предстояло залезть в воду... А во-вторых, утром Колька вместе со своими друзьями наверняка захочет отомстить...

Переглянувшись, потоптавшись на месте, мы проглотили свои страхи и, не желая демонстрировать друг другу испуг, быстренько разделись, оставив на себе лишь майки и тренировочные штаны, закатанные до колен.

– Мы ненормальные, – наконец-то выдохнула Лилька, завязывая на моей руке полоску бинта.

– Да, – согласилась я, стараясь не думать о раздутых стеклянноглазых ходячих утопленниках.

Вода оказалась теплой, и это подействовало ободряюще. Оглядевшись, я смогла отметить царившую кругом спокойную красоту, коротко улыбнулась и поплыла. Наверное, мое лицо, натертое мелом, светилось не хуже луны, потому что Лилька, повернув голову, округлила глаза, демонстрируя наигранный ужас. Я ей ответила тем же.

Выбравшись на берег, мы бесшумно юркнули за высоченную, разросшуюся траву, отдышались и на секунду замерли. Лилька сжала мою руку, и я почувствовала дрожь. Тянуть не имело смысла.

– Пора, – прошептала я и выпрямилась. Только одна мысль, что утопленники не схватили нас под водой за ноги и не утащили на дно, придавала мне невероятные силы...

Мы шли красиво. Немного расставив ноги, практически не сгибая колени, поднимая руки вверх. Бинты развевались на легком ветерке, волосы висели сосульками, наши перекошенные физиономии пугали даже мошкарку. Пожалуй, нам стоило всерьез задуматься об актерской профессии, вряд ли кто-нибудь смог бы изобразить покойников лучше.

- У-у-у... – начала Лилька.
- У-у-у... – подхватила я.

Эхо, отскочив от берега, полетело к лесу, задевая каждую корягу на пути. Наше воображение нетерпеливо рисовало перепуганных до смерти одноклассников, вкус радостной победы уже кружил голову. Никакого страха больше не было – лишь азарт и веселье.

- У-у-у... – продолжала Лилька.
- У-у-у... – вторила я.

Еще шаг, еще один, и мы увидим Кольку, Витьку и Серегу (позорно теряющих сознание), а может, еще и малышню какую-нибудь (пудрят же они кому-то мозги своими глупыми байками...).

Но ни Кольку, ни Витьку, ни Серегу мы не увидели, около костра сидел рослый молодой человек в джинсах и темной рубашке и с интересом смотрел в нашу сторону. Вой мгновенно оборвался, а удивление и разочарование достигло наивысшей точки.

– Кто это?... – прошептала Лилька, не опуская руки.

Молодой человек поднялся и сделал несколько шагов в нашу сторону. Дрова треснули, огонь взметнулся вверх и осветил лицо незнакомца.

Незнакомца?

О нет, я уже знала, кто передо мной стоит – по очертаниям, движениям, бешеному стуку собственного сердца...

Павел Акимов – прекрасная часть моего прошлого...

И я, конечно же, опять оказалась в самом идиотском положении!

– Добрый вечер, – произнес он спокойно, точно перед ним стояли не два мокрых утопленника, а вполне приличные барышни.

– Здравсте... – ответила Лилька, тоже узнав Павла. – А мы тут... купались... немного... – Она опустила руки и толкнула меня локтем в бок. Я тоже медленно опустила руки.

– Да... здравсте... м-м-м, прекрасная погода... нехолодно вроде...

В этот момент комар сел на Лилькину щеку, и она решительно убила его. Раздался звонкий хлопок, а затем тишина.

Павел смотрел на меня неотрывно. Еще бы! Такая картина! Не то богомол, не то инопланетянин с белым лицом, в прилипшей к телу майке, обвисших под тяжестью воды тренировочных и с бинтами на руках... Я почувствовала себя не просто высокой и тощей, а невероятно высокой и невероятно тощей! Руки и ноги, как жерди, грудь отсутствует, бедра тоже... Я была соломинкой, надломленной в нескольких местах, а не той девушкой, которая может понравиться *такому* парню. Уже взрослому парню.

– Привет, – сказала я и сделала попытку улыбнуться. Получилось не очень-то хорошо...

– А ты что... не испугался? – В Лилькином голосе прозвучала неожиданная обида. – Мы старались, а ты не испугался!

– Испугался, – он кивнул и улыбнулся, – но закричать не успел.

Мы помолчали немного, обменялись взглядами и дружно захохотали. Невидимая преграда времени рухнула, и мне показалось, будто не было этих двух с лишним лет – он такой же, и я такая же. Ну, богомол, ну, инопланетянин... Подумаешь!

Домой мы возвращались неторопливо и шумно, эмоции переполняли нас. Половину пути и я, и Лилька болтали без умолку – говорили, говорили, говорили, не обращая внимания на испуганные крики птиц и мокрую одежду (сухая одежда, приготовленная заранее, была забыта и не вызвала интереса). «Ничего себе, какой он стал!» – восклицала Лилька. «Красивый, – соглашалась я, стараясь демонстрировать равнодушие. – И с нами нормально поболтал». – «И все же он испугался! Я видела!» – «Нет, он совсем не испугался, – возражала я, – удивился только и все». – «Да кто бы не удивился!»

Павел рассказал, что приехал вчера вместе с сестрой и двумя ее подругами и за сутки так устал от девчонок, что решил уединиться хоть на часик на берегу озера. А тут мы... белые и страшные... Не повезло. Лильку это очень развеселило, впрочем, меня тоже.

Вторую половину пути я шла как во сне. Я была уверена – Павел завтра найдет меня, и мы вспомним первое знакомство, драку со Славкой... Надежда вновь засияет на горизонте.

Прокравшись по двору, вернувшись в свою комнату через окно, я сразу достала из разных тайников шарф и ожерелье и еще долго не ложилась спать, чувствуя себя самой счастливой на свете.

* * *

К обеду нетерпение достигло точки кипения – я два раза сходила в магазин, прогулялась по деревне туда-сюда, нарвала ромашек в поле и нагадала на всю оставшуюся жизнь, но Павла не встретила. Зато встретила Славку (прошли мимо друг друга) и Лильку, бежавшую ко мне с радостной вестью.

– Мои сваливают в город на два дня – едут к тетке! Я уломала бабушку на вечеринку! Правда, потом мне придется прополоть шесть грядок по километру каждая, но это мелочи! – Она кричала так, что у меня зазвенело в ушах.

– Здорово!

Это была уже третья вечеринка, которую устраивала моя подруга, и это действительно была отличная новость.

Лильке по этому поводу завидовали все. Ее родители щедро оставляли нам четыре трехлитровые банки компота, конфеты, печенье, а бабушка пекла пирожки с рисом и яйцом – пир горой для избранных (так говорила Лилька, хотя звала всех подряд).

– Завтра в пять на веранде. – Она схватила меня за плечи и радостно затрясла, тут же отпустила и побежала дальше приглашать гостей. Но остановилась, развернулась и улыбнулась до ушей: – Расскажем всем про вчерашнее, да? Пусть знают, какие мы крутые девчонки! Ты Павла уже видела? Я с ним встретилась на развилке... Мы проболтали целый час.

Теперь уже мне хотелось схватить Лильку за плечи и затрясти, но я вовремя сообразила, что она меня дразнит и специально делает вид, будто встреча с Павлом Акимовым – рядовой пустяк. Иногда на нее находила вот такая вредность, а уж в вопросах, связанных с мальчиками, она считала себя минимум профессором.

– Не-а, не видела, – равнодушно ответила я.

– А я его тоже пригласила. Ага. Вместе с сестрой и ее подружками, интересно же посмотреть, какие они... – Лилька пожала плечами и уверенно добавила: – Наверняка страшные и противные!

Я заметила, что ее взгляд пополз влево, и оглянулась. Метрах в семи от меня, на нашем деревенском перекрестке, стоял Павел.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – сказала я.

– Ну, я побежала к Катке, – бросила Лилька, и на том месте, где она стояла еще секунду назад, осталось лишь облако дорожной пыли.

Мысленно я поблагодарила подругу за такую скорость и тяжело вздохнула, прекрасно понимая, какие чувства крупными буквами написаны на моем лице...

Глава 4

Любовь – это очень хорошая штука, особенно когда она взаимна...

О, теперь, при свете дня, я могла его рассмотреть. М-м-м, с таким всевозрастающим любопытством археологи изучают только что найденные древние сосуды, кости и драгоценности – душа дрожит, а сердце учащенно бьется и куда-то торопится...

Конечно, Павел уже давно перестал быть мальчиком, наверное, поступил в институт или университет, наверное, родители гордятся им, а девушки... Лучше об этом не думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.